Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ

Сергей БАГРОВ

Сергей Петрович БАГРОВ родился 8 января 1936 года в г. Тотьма Вологодской области. Окончил Тотемский лесотехнический техникум, где учился вместе с Николаем Рубцовым. Позже закончил филологический факультет Пермского Государственного университета. Уехал в юные годы из дома, сменил не менее десятка профессий. Жил в Подмосковье, Алма-Ате, Ала-Тау, Перми.

Печататься С. П. Багров начинал в тотемской газете, затем стал публиковаться в областных газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», а также в журнале «Север». Первую свою книгу «Колесом дорога» издал в 1975 году в Вологде. Через несколько лет сборники его рассказов и повестей были выпущены в Москве.

Главными героями произведений являются простые жители деревень и городов Вологодской области. Их внутренний мир, нравственные искания – основные темы книг С. П. Багрова.

Сергей Петрович Багров – автор исторических произведений и книг для детей, мастер литературной миниатюры. За книгу воспоминаний о Н. М. Рубцове удостоен Всероссийской литературной премии «Звезда полей».

Уже являясь членом Союза писателей, С.П. Багров освоил профессию агронома-овощевода. Долгие годы редактировал и писал статьи в популярный журнал «Огородные подсказки». Живет в Вологде.

В Тотемской районной библиотеке им. Н.М. Рубцова открыт Центр писателя Сергея Багрова.

ГОСТЬ

Очерки о Николае Рубцове

рядом с родиной

Сегодняшний день и Рубцов? Иногда я вижу его, вступающим в зал, где все места заняты. Вступающим не через дверь. А прямо через каменную стену, которая при этом остаётся целой. Словно пришёл сюда Гость. И улыбается во всё своё нестареющее лицо:

- Явился к Вам, чтоб сказать всем неверующим: без поэзии, так же как без любви и милости, нет России!..

Любимец Рубцова, он же его учитель и вдохновитель Александр Сергеевич Пушкин сказал:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный. К нему не зарастёт народная тропа. Вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа...

Не знал Александр Сергеевич Пушкин, что, говоря о себе, он говорил и о Рубцове, певце, который спустился на нашу землю без малого через сто лет после него. Так же как не знал Николай Рубцов того, что, говоря о Пушкине, он одновременно скажет и о себе:

Словно зеркало русской стихии, Отстояв назначенье своё, Отразил он всю душу России И погиб, отражая её.

Не по собственной воле оказался Рубцов в Никольском, где родным его домом стал детдом № 6. Здесь, ещё в школьном возрасте писал он стихи. Стихи эти не сохранились. Были они сожжены в детдомовской печке вместе со стенгазетами, куда они время от времени помещались. Да и не жаль их, потому как они никакой поэтической ценности не представляли. Лишь отмечали опыт, с каким подрастающий мальчик год за годом приближался к духовным высотам, на которые в нужный час и взойдёт, как великий певец. Восхождение же своё начал Рубцов именно здесь, в Никольском, или в деревне Никола, как он любил называть эту весь. Только за летне-осенний сезон 1964 года он написал 39 стихотворений. И почти все – шедевры. Стихи эти стали классикой русской литературы. Почему легли они на душу нам, как выражение высочайших человеческих чувств? Да потому, что писал их поэт с любимой земли.

Но что Емецк с Никольским объединяло? Ведь между ними пятьсот, не менее, километров. Емецк – место, где появился крохотный Коля Рубцов. Никольское – географическое пространство, где он ощутил себя на родительской почве, той самой земле, что была пройдена его предшественниками по роду, жившими здесь во все времена. Вот он ключ, открывающий дверь в хранилище, где ответ: почему Рубцова всегда тянуло в Николу? Да потому,

что интуитивно с помощью собственных чувств и предчувствий он ощущал здесь свою настоящую родину, ту самую, где были когда-то все родственники его. Однако произошел пересмотр главных ценностей русского бытия, и всё пошло окольным путём. Пришлось бежать и даже скрываться во имя того, чтоб спастись. Бежать с исконной родины на чужбину.

А она, сокровенная родина в каких-нибудь 50 километрах от полюбившейся поэту деревни Николы. На берегу речки Стрелица. Здесь у родителей будущего поэта Михаила Андриановича и Александры Михайловны Рубцовых родились первые дети: Надежда, Таисья, Галина. В этом краю, переполненном сенокосными гладями, ягодными лесами, весёлыми ливнями, пляшущими в водах реки золотящимися лучами, должен бы был родиться и Коля Рубцов. Однако зигзаги судьбы увели отсюда Рубцовых. Увели в иные края, включая Вологду, Емецк, Няндому, снова Вологду, а потом – в никуда. Произошла катастрофа, сравнимая разве с крушением поезда, мчащегося по рельсам. Крушение двух миров. И если один из них из последних сил цеплялся за почву, которая кормит, то второй – строил на этой почве социализм, ставший предтечей трагедии, которая выморила деревню.

Лесная опушка, кузнечики на лугу, речка с плывущей по ней утиной семейкой. Всё это было и есть как на Стрелице, так и на Толшме. И тут, и там красота, с какой сравнимы разве угодья роскошного рая. Вот почему маленький Коля Рубцов в окрестностях тихой Николы ощущал себя сыном здешних полей, деревень, косогоров, лесов, ручейков и речек. Здесь было ему свободно и смело, как если бы он резвился на берегах бойкой Стрелицы, где прошло обитание нескольких поколений его православной родни.

Речка Толшма. Так много о ней уже сказано. Речка Стрелица, считай, не сказано ничего. Но это пока. Хотя и сегодня мы знаем, что на её берегах жили былинные люди. Сильные духом и благородным влиянием на людей. Один из них – приходский священник Феодосий Малевинский. Как продолжатель дела своего отца, он закончил Вологодскую духовную семинарию и в 1895 году был рукоположен в сан священника. Всю свою жизнь вплоть до 1918 года Малевинский истово служил прихожанам Спасо-Преображенского храма. С первых дней Советской власти он выступал за сохранение церковного монолита. Красотой и величественностью завораживали возвышавшиеся над селом Спасским два храма во имя Преображения Господня и во имя Рождества Богородицы. И вот не стало их, не смотря на то, что Малевинский положил

все свои силы, всю свою душу, чтоб уберечь их от разрушения. Для прихожан своих был Малевинский ярким примером служения Отечеству, Богу, Царю и Русской земле. Как заступника собственного народа его ввели в разряд ярых противников Советского государства. Трижды он испытал на себе казуистику большевистского правосудия, приговорившего его в 1937 году к расстрелу. 19 января следующего года приговор был приведён в исполнение.

19 января, но уже 1971 года был убит и Николай Рубцов. Невероятное совпадение. Как если бы назначением дня смерти обоим героям занимался кто-то из высших судей, служивших, однако, Дьяволу, но не Богу.

высокая невидимка

Ночи нет, а темно. Мрак на родину наступает. А во мраке, как тени, посягнувшие на страну завоеватели русских земель, кому нужны наши села и города, наши женщины, наши души.

1539 год. Город Тотьма. Орда казанских татар спалила город дотла, увела в свое рабство самолучших девушек и молодок. Забрала с собой и детей, запаковав с головой в берестяные корзины, приторочив их к трясущемуся седлу. Остальных тотьмичей – под секиру или в огонь.

Спаслись лишь везучие, кто успел схорониться в колодцах и ямах.

Несчастные погорельцы. Куда им теперь? Остаться в выжженном городе – на такое решились лишь единицы. Большинство пошло Сухоной. Кто-то вверх, кто-то – вниз. Останавливались, кто где. Кто – на Песьей Деньге, кто – на Печеньге, кто – на Толшме. Находились и те, кто приткнулся к далёкой Стрелице. Выбирали места, где бы были болота, и они не пустили бы конницу ворога к новостройкам.

Тотьмичи и теперь верят в то, что деревни по склонам Сухоны образовались от рук плотников-погорельцев. Кто из них остался в памяти у людей? Разумеется, тот, кто сумел отличиться в схватке с непрошеными гостями.

Русское средневековье тем и было обезображено, что отовсюду на Русь шли враги. Вслед за казанцами – крымчаки, турки, поляки, литовцы, немцы.

Память давнего летописца сохранила нам отголосок Руси времён Василия Шуйского, когда по Сухоне вверх и вниз сплавлялись

на лодьях вооруженные ляхи, дабы поживиться бесплатным добром. Повсеместно против головорезов выступали местные мужики. Бывало, что и успешно. Но побед, как правило, добивались они ценой своей жизни или увечья, которое оставлял на теле русича иноземный булат.

Таким глубоким рубцом на лице был в ту пору отмечен один из самылковских доброхотов. Деревня как стояла, так и стоит на берегу речки Стрелица. Только раньше в ней жили люди, а теперь – никого. Может, и в самом деле отсюда в будущее пошла не фамилия храброго человека, а кличка его. Кличка Рубец повела за собой и фамилию, родившуюся в бою. От Рубца – Рубцов. От Рубцова же – все другие беспрозвищные Рубцовы. Так и пошло ветвление рода с выходом новых его ветвей к берегам соседнего обитания. Больше всего сохранилось Рубцовых вдоль по Стрелице. Кто-то из стрелицких старожилов обрисовал сегодняшних Рубцовых несколькими словами: «Кареглазые, высокого роста, готовые постоять за товарища, вспыльчивые, редкостного таланта, любят гармошку и русские песни, в работе истовы и серьёзны...»

Примечательно также и то, что почти все нынешние Рубцовы пошли от родителей-землепашцев. Всех их вырастила стрелицкая деревня, научившая работать и жить от земли.

Бывал ли поэт Николай Рубцов на родине предков, то есть на речке Стрелице, что впадает в Сухону на левом её берегу, пробираясь сквозь заросли тальника и луга к вольным водам большой судоходной реки? Пожалуй, что не бывал. Иначе бы каждое лето стремился сюда к этим сказочным пажитям, на которых жили все его предшественники по роду. Зато не однажды бывал в доме своих родителей в бывшем районном центре селе Бирякове, когда ехал откуда-нибудь в Николу, или куда-нибудь – из Николы. В Бирякове была у автобуса остановка, и все, кто в нём ехал, заходили на автостанцию, где иногда продавали к чаю дешевые бутерброды. Так что родительский дом, переехавший из Самылково в Биряково, был поэту знаком. Но знаком как нечто случайное, что встречаешь и забываешь, не зная того, что здесь, в этом доме жили твои мать и отец. Только никто об этом поэту не говорил.

Напротив Самылкова, на другом берегу – село Спасское. Здесь когда-то стояли две церкви: Стрелицкая Спасо-Преображенская и Рождества Пресвятой Богородицы. Протоиереем здесь был Феодосий Евгеньевич Малевинский. Авторитетнейший человек, кто себя проявил, как талантливый пастырь и педагог, как историк и археолог, как этнограф и автор трудов о жизни северного кре-

стьянства. Мало того, Малевинский нес большую общественную работу по насаждению в приходе духовной культуры. Благодаря ему открылась в Спасском церковно-приходская школа. При ней – библиотека-читальня. Из обучавшихся в школе были отобраны талантливые исполнительницы церковно-славянских и русских народных песен. Одним словом, сложился хор певчих. По воскресеньям и праздникам певуньи потчевали прихожан красивым многоголосьем. Кстати, одной из участниц хора была Александра Рычкова, будущая мать поэта Рубцова.

Надо было не только слушать, но и смотреть, какое удоволение, какое счастье играло на лицах стрелицких прихожан, когда они посещали церковную службу. Сам вид священника, крест в его богатырской руке, высокие, словно с облака полетевшие голоса нежных певчих, зажженные свечи, лики иконостаса – всё это охватывало порывом светлейшего совершенства. Словно сказке радовалась душа, получив энергию созидания. Люди, право, теряли свой возраст, молодость шла навстречу, и где-то там наверху улыбался сам Бог.

Малевинский знал всех Рубцовых – и малых, и старых. Михаила и Александру, отца и мать Николая Рубцова, венчал самолично, благословляя их в путь, который им принесет многочисленные удачи.

Удач хотелось и самому. Однако в последние годы Феодосий Евгеньевич их не видел. Вместо удач – сплошные потери. Особенно тяжело Малевинский переживал крушение храмов. Сколько было хождений по кабинетам, уговоров и споров, требований к хозяевам новой власти. И всё напрасно. Стоявшие рядом, как сестры-близняшки, церковь Спасо-Преображенская, как и Рождества Святой Богородицы, были приговорены к убиению. Они, как сказали священнику в райисполкоме, мешают строить новую жизнь. Снесли и ту, и другую.

- Как быть-то теперь? - спрашивали сердобольные прихожане.- Как жить-то нам всем без наших любимых?

Феодосий Евгеньевич чуть ли не с бранью поносил большевистскую власть. Потому в беседах и проповедях с людьми всё тверже провозглашал то чудесное время, когда на земле почиталась вера в Бога, Царя и Великую Русь.

Кто-то из очень советских решил, что священник – не наш человек. Написал, куда полагается.

Малевинского взяли. Взяли не в первый раз. Даже не во второй. В третий...

Каждый трудящийся в этом мире, кроме всего обретенного, владеет еще и собственной жизнью. Кто ею может распорядиться? У Малевинского - тройка из главных советских контор, исполнителем у которых - красноармеец с наганом.

У Рубцова - женщина, посланная антихристом из потёмок. Ссора Рубцова и Дербиной. Тяжёлая ссора, когда каждый считает себя только правым, и на этом стоит, как столб.

Есть, однако, предел, за который не заступают. Ибо там, за запретной чертой и скрывается твой мучитель, который не ведает, что творит.

Рубцов почувствовал пальцы, которые взяли его за горло. Физически был он сильнее, чем Дербина. Для того, чтоб от пальцев освободиться, он должен был сам сдавить горло у Дербиной. Но сделать такое ему помешал благородный запрет. Запрет, как завет. Его унаследовал он от матери и отца, от бабушки с дедушкой, от всей своей благородной родни, чья кровь, будучи вспыльчивой, но разумной, передала ему христианское: «Не убий!» И он сдержал свой порыв. Дербина же не смела остановиться. Боялась, что верх возьмёт не она, а тот, кто спасает её от себя, от своих жёстких рук, которые отказались стать орудием смерти.

Произошло очень, очень ужасное. Душа Рубцова, оторвавшись от тела, улетела в небытие. Она и теперь где-то там, как и душа Малевинского, странствует над лугами, как высокая невидимка, заряжая нас верой в то, чего нет, но должно же когда-то и быть. Сердце наше волнуется. Словно мы оказались в берёзовой роще над чистой Стрелицей, где вот-вот запоет соловей, приглашая туда, где всю жизнь служил Господу Малевинский, и куда, сам не зная того, торопился Рубцов. Торопился, как состоявшийся обладатель неслыханного богатства, которое он сейчас раздает бесплатно неумирающими стихами для того, чтобы всем нам теперь жить, жить и жить.

И ещё. О последней мечте. Родись бы Рубцов лет на двадцать раньше, то встретился бы с Малевинским не как младенец со стариком, а как мужчина с мужчиной, и мог бы, пожалуй, спросить у него о том, что носил в последнее время в глубинах сердца:

- Хотел бы я написать поэму об Иисусе Христе? Что бы на это ответил ему Малевинский?

Так спросить торопило его предчувствие неземной тишины. И надо было не опоздать. Ибо день смерти как священнику, так и поэту был заранее обозначен.

19 января 1938 года - Малевинскому.

Россия. Родина. Рубцов. Одна из лучших, если не самая лучшая из работ, передающая подлинного Рубцова. Художник Валентин Малыгин.

19 января 1971 года - Рубцову.

Дату эту определил секретарь неведомой канцелярии, служивший, однако, дьяволу из ночи, кто не мог допустить, чтобы голос Поэта услышало Время.

НЕТРОНУТАЯ МЕЧТА

1962-й – был первым годом Рубцова, когда Москва проявила к нему повышенный интерес. Уже не Рубцов искал встреч с лучшими лириками столицы, а они искали с ним встреч. Один из них – Передреев, автор еще невышедшей книги стихов, застрявшей в одном из столичных издательств. Передреев еще не видел Рубцова, но, прочтя подборку его стихов, изумился, что где-то рядом в Москве обитает поэт, который вызвал в его душе неподдельный восторг. В этот же день он и встретился с ним в общежитии Литинститута. Не зная, в какой из комнат Рубцов живет, Передреев по

звуку гармошки, выплывавшему из глубин огромного помещения, почувствовал – это он!

И вскоре увидел Рубцова, сидевшего на кровати и певшего под гармошку какую-то грустную песню. Тотчас же гармошка и песня споткнулись на полузвуке, и наступила ненужная тишина. Рубцов своим взглядом, окинувшим гостя, хмуро спрашивал у него: кто такой? Чего надо? Когда уйдешь?

Больше всего Передреева поразило то, что минуту спустя, Рубцов, с того места, где оборвал свою песню, продолжил ее, не сбившись не только голосом и гармошкой, но даже словом, словно и не было паузы никакой. И в этом он углядел подлинного поэта.

Дружба Николая Рубцова с Анатолием Передреевым была настоящей. Но это не означало, что они потакали друг другу во всем. Напротив, нередко спорили по поводу неудачно или громоздко написанного стиха, или не соглашались с мнением о прочитанной книге, которую Передреев хвалил, а Рубцов отвергал.

На одной из любительских фотографий Рубцов стоит, прижавшись к плечу Передреева, который его полуобнял левой рукой, и в этом жесте явственно проступала готовность всегда и во всем защищать поэтом поэта, не отступая ни перед чем. Передреев ценил в Рубцове его святую способность думать о мертвых так же, как о живых. Из стихов его, будто из храма, выходят Пушкин, Есенин, Гоголь, Тютчев и Достоевский. А там, в бесконечной пыли рубцовских дорог – и странники-пилигримы, и отрок на быстром коне, и старуха с травой на лице, и страшная конница Чингисхана... Образы бывших людей довлеют над теми, которые в нынешних днях, видимо, потому, что у нас, у живых, протяженность во времени, в лучшем случае, лет 90, у них же, у мертвых – третья тысяча лет. Может быть, в этом слишком огромном неравенстве и таится загадка поэта его отношения к нам и к ним.

И еще занимала его та самая справедливость, чьи корни идут в глубокие дебри древней земли. Иисус Христос – вот кто был для Рубцова загадкой из всех загадок. Как в Бога Рубцов в него верить не мог. Но как в гениальное существо, которое, всё, что есть на земле, поворачивало добром к существующим людям, — в это он верил. И даже хотел эту веру изобразить через образ в стихотворении. Этой своей потаённой мечтой делился Рубцов с Передреевым. Делился он и со мной. Однако мечта так и осталась нетронутой, словно Рубцов специально оставил ее для следующего поэта, кто ее хорошо разглядит и поймет. А поняв, раскроет ее, будто рукопись мироздания.

Осень 1962 г. Сороковой день после смерти Михаила Андриановича Рубцова. Крайняя слева – сестра покойного Софья Андриановна. Крайняя справа – Евгения, вторая жена старшего Рубцова. В центре – Николай Рубцов, его малолетний сводный брат и двоюродная племянница

объединение

Любовь к песне, музыке, к задушевному русскому слову. Откуда она? Безусловно, передалась она маленькому Рубцову от матери и отца.

Михаил Андрианович был отчаянным гармонистом. На всех праздниках, посиделках и вечерах, куда его приглашали, будь это в городе или селе – нигде с гармонью не расставался. Благо был он из тех игроков, кто умел извлекать из гармоники радость, передавая её застолью, дабы все, кто с ним рядом, испытывали приятность.

Мама будущего поэта Александра Михайловна с малых лет, как купалась в народных песнях. И в своей родовой деревне Загоскино, и в Самылкове, где продолжила жизнь свою после свадьбы, была счастлива тем, что жила в ногу с песней... Пела она и на клиросе в храме Спасо-Преображенском, и на свадьбах во всех весях Стрелицкого прихода. Так что было кого малолетнему отроку повторить. Повторить, а потом, при взрослении, и возвыситься, как поэту, чьи стихи желанно не только читать, но и петь.

Учительница никольской школы Надежда Феодосьевна Лапина рассказывала, как после уроков в зимнюю пору Коля вместе с ребятами забегал в её дом: «Я любила детей и принимала их с превеликой охотой. Коля любил греться на русской печке и всегда туда забирался первым. А за ним – все остальные. Отогревшись, Коля запевал шутливую песенку:

Петушок, погромче пой, Разбуди меня с зарёй…»

Любил Коля бывать и на квартире у воспитательницы Александры Ивановны Корюкиной. «В детском доме, – вспоминает она, – Колю все любили – и взрослые, и дети. Он был ласков, легко раним и при малейшей обиде плакал. Учился он хорошо. Любил читать и слушать, когда читают. Мы с пионервожатой Перекрест Евдокией Дмитриевной жили на квартире в деревне Пузовка. Часто, уходя после работы, брали к себе домой Колю. Единственно, что он у нас просил – это почитать ему книжку. Особенно любил Пушкина. А от песен, когда по просьбе его мы их ему напевали, всегда волновался и был задумчив. Наверное, вспоминал в эту минуту живую маму...»

При виде гармошки Коля всегда испытывал тихую радость.

Гармоники были разные. Тальянки, хромки, кирилловки, бологовки. Пальчики сами искали звуки, за две-три игры постигая характер любой гармошки. Легче всего давалась игра под простенькие частушки. Под них годился любой инструмент. Однако хотелось чего-нибудь посложнее. Чтоб звуки летели от самого сердца и выражали глубокие чувства, от которых бы шло возвышение, какое сравнимо разве лишь с солнцем, когда оно поднимается над землёй и будит вокруг всё живое и неживое.

Постоянным подсказчиком в постижении музыки был дерматиновый репродуктор, откуда лились каждый день молодые советские песни. Иногда и классика шла. Сам Рахманинов, Мусоргский, Бах, Чайковский.

Через год Коля, как гармонист, стал известен не только детдому, но и всему кусту деревень, соседствовавших с Николой. Стала как бы сама по себе складываться артель самодеятельных артистов, умевших под наигрыш Коли петь частушки и песни, читать стихи, танцевать и плясать.

Валечка Межакова, Женя Романова, Толечка Мартюков, Ванюша Серков (называю так, как называли ребят в детдоме – С. Б.) впятером, вшестером заваливались на сани и под бодрое ржанье гнедка мчались по зимней дороге от одной деревеньки к другой. От клуба к клубу. И так в каждый праздник. А то и в простой выходной.

Народ в деревнях на такие концерты не шёл, а бежал. Всем хотелось услышать, увидеть, почувствовать то, что сюда привезли детдомовские ребятки, чьи голоса так чисты, а гармоника так душевна, что не хотелось их отпускать от себя.

Однако детдом – это община. И прикоснуться к эстрадной сцене желали не только энтузиасты, а, пожалуй что, все. Под обаятельным руководством Евдокии Дмитриевны Перекрест родилась незабываемая капелла. 20 девочек. Столько же мальчиков. Среди них – плясуны, шутники, декламаторы и солисты. Гармонист же один. Рубцов, которого звали, кто Колька, кто Коленька, кто Колюха.

Тишина в переполненном зале. И вдруг резкий, как молния, вызвон гармошки, рассекающий воздух перед собой. Тут и голос кого-то из мальчиков – тонкий, чистый, наполненный отрешением.

Сижу за решёткой в темнице сырой. Вскормлённый в неволе, орёл молодой Зовёт меня взглядом и криком своим И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Голос смолк. И опять тишина. Продолжалась она две, три секунды. И следом за ней, как великое обрушение, упали в зал 40 взволнованных голосов. Казалось, поют не молоденькие артисты. А те, кто всегда в вышине, кто тревожнее всех и умеет летать:

> Мы вольные птицы – пора, брат, пора Туда, где за морем синеет гора…»

Было кому сострадать, обмакивать кончиками платочков слезящиеся глаза. Пробирало всех. Песня искала отклик в сердцах. И находила его, вызывая смятение и восторг, и ещё желание петь не одним самодеятельным артистам, а всем. И называлось это желание – сближением душ, или объединением.

три времени жизни

Философствовать Николай любил. Гегель, Кант, Аристотель, Платон... Знания этих прославленных мудрецов были в какой-то мере и знаниями Рубцова. Трудно представить, что Николаю, при всей его внешне беспечной, почти безалаберной жизни неведомым образом удавалось познать их работы и, осмыслив в сознании, применить в сегодняшнем дне. Помнится, как мы сидели в маленькой кухоньке на квартире ответственного секретаря тотемской районной газеты Василия Дмитриевича Елесина. Василий владел ситуацией в философских беседах. Три времени жизни. О них и был разговор.

Былое, нынешнее и будущее. Чем они отличительны друг от друга? Вопрос поставил Елесин. А отвечал на него Рубцов. Прошлому он приписывал героизм и стояние, сегодняшнему – растерянность и хаос, будущему – единение.

Елесин сыронизировал:

- Фашисты и коммунисты. Неужели ты допускаешь, что они могут жить в мире и дружбе?

Рубцов отодвинулся от стола вместе со скрипнувшим стулом.

- Именно так и будет!

Тут и я подбросил вопрос:

- A если взять капитана милиции и разбойника-душегуба? Они что? Тоже объединятся?
 - Тоже!

Мы с Елесиным рассмеялись. А Рубцов посмотрел не на нас, а сквозь нас и вдруг резко спросил:

- Кто вы такие?

Елесин настороженно:

- Ты, Коля, чего? Не знаешь?
- Знаю, не знаю, ответил Рубцов, дело в конце концов не в вас, а во мне! Вы обычные тотемские ребята. А я? Я герой пролетевшего времени. В будущем будут меня читать. А в сегодняшнем? Лицо Николая чуть побледнело. В сегодняшнем я задержавшийся гость...

Да, умел Николай оперировать вечностью, словно был, в самом деле, оттуда, и всё безошибочно знал наперед.

С картины художника Юрия Воронова

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ЛАДОНИ

От скуки, царившей на многих занятиях в Тотемском лесном техникуме, Рубцов уходил, углубляясь в процесс сочинительства стихотворений. Поэту было занятно. Зачем ему эта вывозка древесины? Строительство нижних складов? Ремонты дорог? Когда можно было умом и сердцем пробраться в лирическую стихию и ощутить себя в ней плодотворным творцом!

Тетрадка, которую он обычно прятал за голенище валенка или под узкий ремень на брюках, была у него постоянно в ходу. Действовал Николай, как подпольщик, конспиративно, тайно и осторожно. Преподаватели ничего не знали об этой тетрадке. Считали его образцовым студентом, кто никому не мешал, сидел тихо и был внимателен и улыбчив. И на любой их вопрос мог ответить толково и чётко. Иногда даже лучше, чем объясняли они. Из-за чего его старались не беспокоить.

Какие стихи попадали в тетрадку? Знал об этом лишь он. Да тот, кто однажды взял и выкрал её. Потеря тетрадки Колю не омрачила. Обойдется и без нее. Вместо тетрадки стал он записывать строфы свои на левой ладони. Запишет, запомнит и уничтожит,

стерев строфу рукавом пиджака, а то и сырым языком. Само же стихотворение так и так оставалось в его голове. Какое оно? Любовное, хулиганское, злое или смешное? Никто не узнает. Сам же он возвратиться к нему мог всегда.

Позднее таким же способом писал он стихи на флотских политзанятиях – продолжительных, очень нудных, с которых всегда хотелось сбежать. Но никто не сбегал, все терпели. Один лишь Рубцов был задорен и свеж, и лицо его выражало главным образом то, что скрывалось от всех в потаенных стихах.

Рязанский литератор Валентин Сафонов, служивший вместе с Рубцовым на Северном флоте, утверждал, что «Видения на холме» Рубцов написал во время политзанятий.

Стоял 1958 год. Эпоха Хрущева. Матросы слушали, одолевая тоску, то, как надо выращивать кукурузу, то, как по морю плыть, то взлетать в небеса, одним словом, иметь успехи в небе, море и на земле. Рубцов же, как и в Тотемском техникуме, был задумчив и бодр. Благо он в это время творил.

...Россия, Русь, куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты
И твой степной бунтарский свист разбоя!
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя...

Лирика и политика. Казалось бы, им противопоказано друг с другом дружить. Однако Рубцов доказал иное.

главное божество

Человек должен быть счастлив! Всегда! Николай Рубцов, при всей его внешне сумбурной жизни, понимал это как никто. И стремился к тем вечным красотам, какие им были воспеты в его стихах, благо тогда он только полно и жил, когда находился в горении слова. Жизнь повседневная и жизнь, рождающая шедевр. Эти две жизни стояли друг против друга, как два враждующих стана, вызывая в душе поэта предощущение катастрофы, которую он, иронически улыбаясь, решительно отвергал, хотя, как игрок, заигрывающий со смертью, знал, что на этом свете оставлено место

и для нее. Спасала поэта от катастрофы – главное его божество – родная природа и то, что он мог нести ее в сердце и радоваться, когда удавалось сказать о «грозном и прекрасном» мире все, что требовала душа.

Успокоение. Слово это слишком большое, вмещает в себя не только вселенский покой, но и земные счастье с любовью. Обо всем об этом поэт многократно высказывался в стихах. А однажды летом (не помню какого года), когда мы, несколько человек – Рубцов, Коротаев, Романов, Белов, Сушинов и я, собрались у кого-то из нас на квартире и читали по очереди книгу «Ходю», Белов сказал:

- Отличная проза! Написано про китайца, а читаешь, как про себя.
- Именно так! засветился Романов.- Беда за бедой колошматят этого пилигрима! А он, вопреки этим бедам, спокоен и даже весел!
 - Неунывающая душа! улыбнулся Сушинов.
- И у нас, подхватил Коротаев, сколько таких неунывающих Ходей разбросано по Руси. Живучие, как муравьи. Никакая их сила не уничтожит! И вот спрашиваю у вас: чем живут эти Ходи?
- Силой своей души, ответил Рубцов, спокойствием духа. И еще: неумением обижаться и обижать... Сделав паузу, Николай чуть прищурил глаза. Хорошо бы об этом сказать стихами.
 - В чем же дело! не выдержал Коротаев.- Скажи!
- Непременно скажу! согласился Рубцов. Через книгу. Я и название ей придумал: «Успокоение». Собственно, книга почти готова. И лежит в моей голове. Остается ее записать и издать...

Приблизительно так говорил Рубцов за этим застольем. И надо думать, свой замысел смело осуществлял. Мне и позднее не раз приходилось слышать от Николая:

- Надо такую книгу, где бы редактор был со мной заодно и нигде бы меня не правил.

Но Рубцов не успел. Книга, в которой бы все было так, как хотелось поэту, так и не вышла. И слова поэта, что он назовет ее «Успокоением», так и остались словами.

Ан, нет! В моих руках книга «Николай Рубцов». Автор ее - Тамара Данилова. Вот что она сообщает:

«В Вологодском архиве в рубцовском фонде среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова написаны (и пронумерованы) названия тридцати девяти стихотворений с общим заголовком «Успокоение». По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов.

Великому Поэту России книгу «Успокоение» в задуманном поэтом виде издали как в Петербурге, так и Вологде. Воистину, Рубцов и после жизни остается для нас действующим поэтом. Вот как объясняет Тамара Валентиновна это емкое слово:

«Успокоение – это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием, это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение цельности и полноты жизни! При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольным соколом». И еще:

«Единство с Божественной Природой – основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она – в нем. Все во всем. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой – это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование ее Законам, что предполагает их Знание (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни наших предков?). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания. Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед ним сложнейшие и неразрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высветлялся, сливался с окружающим миром, душе его «сходило УСПОКОЕНИЕ».

МЕЧТА

В августе 1965 года несколько дней Рубцов жил в двух километрах от Вологды, в деревне Маурино, где я снимал у местного жителя крохотную квартирку. Помню, как шли поутру средь поспевших хлебов по росистой тропе.

- Это мое! Рубцов показал на взятое золотом поле ржи, не спеша уходившее к горизонту.
- Это тоже мое, показал минут через пять на стайку вспорхнувших ласточек над забором.
- И это мое! палец его обводил полукругом равнину лугов, над которыми громоздились, как горы, толпы сиренево-белых туманов. Ты видишь обычное испарение. Я же могучую конницу Чингисхана, поднявшую пыль на тысячу километров! Этот образ я забираю себе. Честное слово. Я счастлив! Этого злого гения я знаю и понимаю.

- Понимаешь?
- Представь себе. Лучше всех! Я его чувствую всеми своими костями. Я напишу поэму о Чингисхане...

БОГАТЫЙ И СИЛЬНЫЙ

Зима 1964-65 гг. прошла у Рубцова под кровлей поэта Бориса Чулкова. Способствовал этому ответственный секретарь писательской организации Александр Романов, уговорив Бориса Александровича сдать Николаю Михайловичу комнатку в его доме.

Чулков ходил на службу в редакцию. Был свободен лишь вечерами. И возвращаясь с работы домой, заставал Рубцова или за чтением книг французских поэтов, или за музыкой, которая заполняла квартиру, и вид поэта, ходившего взад-вперед с сигаретой по комнате, стол с проигрывателем, где крутилась пластинка, и заоконная панорама морозной

С поэтом Борисом Чулковым. Комсомольский сквер. Вологда, 1964 г.

Вологды вызывали в нем чувство связи с чем-то возвышенным и прекрасным.

Порою Рубцов совершенно не замечал Чулкова, явившегося домой, настолько он глубоко уходил в тот возвышенный мир, которым жили когда-то авторы сверхшедевров. Вариации на русские темы Глинки, вальс-фантазия, испанские увертюры «Ночь в Мадриде» и «Арагонская хота» сменялись второй симфонией и «Ноктюрном» Бородина. А там сам Мусоргский с его оркестровым сочинением «Интермеццо», «Скерцо», «Рассвет над Москвой-рекой», равных которым, конечно, нет ни в одной музыке мира.

Нередко хозяин и квартирант вместе крутили пластинки. Вкусы их совпадали. «Времена года» Чайковского в фортепьянном и оркестровом изложении. Второй концерт для фортепьяно Рахманинова. «Классическая симфония» Прокофьева. Музыка к Пушкинской «Метели» Свиридова. Звучал и Стравинский с его фрагментами из «Петрушки», «Оркестровым танго» и «Рэгтаймом». Музыкальные исполины, когда их слушал Рубцов, буквально овладевали всем его существом. Сам того не замечая, поэт переселялся в неведомый для него, весь в страстях и волнениях мир. Калинникова он слушал, помаргивая глазами, из которых, казалось, вот-вот брызнут слезы. А какой тревогой охватывало его, когда внимал он пятой симфонии Глазунова, той самой, которая грозно звучала по радио в день нападения Германии на нашу страну.

К джазу, полагает Чулков, Рубцов относился прохладно. Равнодушен был и к «Апассионате» Бетховена. А нашенскую попсу, как и американскую, не переваривал, и даже советовал Чулкову вообще никогда не слушать, чтобы не засорять благородный слух. Очень любил Рубцов «Реквием» Моцарта. Интересовался: у кого бы можно было послушать Дебюсси и Пуленка – великих французов, учившихся на музыке Мусоргского, Корсакова и Скрябина. Квартира Чулкова стала для Рубцова чем-то вроде музыкальной консерватории, где тревожная музыка властно вторгалась в душу его, и он, казалось, всем своим существом прикасался к Вселенной, откуда навстречу ему шли видения и картины, каких еще не было на земле, и он ощущал себя очень богатым и очень сильным.

домой

Сколько раз Николай опаздывал то к автобусу, то к пароходу, и приходилось искать попутку, с какой бы можно было отправиться в путь.

Пусть подкинут хотя бы на треть или четверть пути. Там, где будет его неконечная остановка, в незаметном каком-нибудь грустном селенье около чайной или поленницы дров он, подняв воротник пиджака, подождет и усядется вновь на любой бензовоз, пятитонку или трехтонку, лишь бы транспорт имел колеса и, ревя, устремлялся вперед.

Кто считал его остановки на тракте: Вологда – Тотьма? На дороге: Никольское – Верхняя Толшма? Кто его видел в Чучкове и Воробьеве? В Погорелове? В Красном? В Манылове? В Бирякове?

Черепаниха. Стоит деревня на левом берегу Сухоны. Однажды Рубцов ночевал в двухэтажных хоромах, где его приютил секретарь местного сельсовета. Секретарь нашел Рубцова в потёмках возле костра, у реки, где он собирался ждать утренней переправы. И чуть ли не силой увел к себе в дом. Накормил, попотчевал чаем и предоставил постель. А утром на собственной лодке увёз ночлежника за реку. Там до Николы всего-то 25 километров. Одолевать такой путь Николаю Рубцову было, естественно, не впервой.

Ездил он на телегах и волокушах, на буксирах и катерах, лесовозных санях, в дровнях, розвальнях и каретах. Оттого так много стихов у него о старинной, в пыли и тумане, дороге, о храмах и кладбищах над рекой, пароходных гудках, чистых звездах, матросах и пилигримах. Особенно часто дорога его прерывалась в селе Черепаниха. Здесь надо было через реку. Но переправа за Сухону прекращалась еще до потемок. Что делать, если всюду безлюдье и погашенные огни? Иногда он просился к кому-нибудь на ночь. Но чаще всего он отсюда не шел никуда. Разживлял костерок и сидел, прокалывая глазами наступавшую на него вологодскую темную ночь.

Тишина, плеск волны, почерневшие елки на косогоре, месяц на вылете из-под тучи – всюду сон и покой. А в покое том – Русь. Спит и спит и не будет конца ее сну. Но поэт терпелив. Переждет эту ночь. Переправится на пароме. А уж там, как на крыльях – домой!

посвящение другу

Еще до выхода в Лениздате книги Рубцова «Посвящение другу» (1984 г.), его издатели спрашивали меня:

- Кому Рубцов посвятил это стихотворение? Быть может, тебе? Я помотал отрицательно головой:
- Не мне.

В 1966 году Рубцов все лето провел на Алтае. Побывал в Барнауле, Горноалтайске, в деревне Кислухе, в Бийске и Красногорском. Сибирь во многом напоминала ему Вологодскую область, по которой он постоянно скучал и писал своим закадычным друзьям короткие письма. В одном из них к Александру Романову он сообщал:

«...Пишу тебе из Сибири. Ермак. Кучум... Помнишь? Тайга. Павлик Морозов...

Много писать не стану, т.к. сейчас пойду на рыбалку, да тебе и не будет интересно, если я начну описывать свои последние впечатления или еще что-то. Скажу только, что я сюда приехал, кажется, на все лето, т.к. еще не бывал в этой местности и решил использовать возможность, чтобы посмотреть ее. Изучить ее. Перед отъездом сюда взял командировку от журнала «Октябрь». Скажу еще только, что сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...

Н. Рубцов.

С. Красногорское Алтайского края».

В Александре Романове, как ни в ком другом, Рубцов почувствовал истинного поэта, чья духовная сила и власть над словом были настолько крупны, что он принимал его за творца, чей уровень был такой же высокий, как у него, Николая Рубцова, понимавшего, что сегодня в поэзии он всех выше. На равных они беседовали о древностях русской культуры, о языке, о городе и деревне, о том, почему страдает и пьет сегодняшний человек. Рубцов допускал даже критику Александра. Как-то по осени, отдыхая в скверике на скамейке, под легкий шорох летящей листвы он прочитал только что им написанное стихотворение:

Идет старик в простой одежде. Один идет издалека. Не греет солнышко, как прежде. Шумит осенняя река. Кружились птицы и кричали Во мраке тучи грозовой, И было все полно печали Над этой старой головой. Глядел он ласково и долго На всех, кто встретится ему, Глядел на птии, глядел на елку... Наверно, трудно одному? Когда, поеживаясь зябко. Поест немного и поспит. Ему какая-нибудь бабка Поднять котомку пособит. Глядит глазами голубыми. Несет котомку на горбу. Словами тихими, скупыми Благодарит свою судьбу. Не помнит он, что было прежде, И не боится черных туч, Идет себе в простой одежде С душою светлою, как луч.

Прочитал и ждал, что на это скажет Романов? А Романов вспомнил стихотворение Некрасова «Влас».

В армяке с открытым воротом, С обнаженной головой. Медленно проходит городом Дядя Влас – старик седой. На груди икона медная: Просит он на божий храм, Весь в веригах, обувь бедная, На щеке глубокий шрам.

И сказал Николаю, что образ странника-старика не нов. Об этом уже писали. К тому же Рубцов изобразил его заурядно. И концовка стихотворения излишне красива, с преувеличенным обобщением.

Рубцов ничего не ответил на это, но было видно, что он с Романовым не согласен. Позднее, спустя два с лишним десятилетия, Романов вспомнил тот разговор и подумал о том, что тогда он был, конечно, не прав. Образ души, подобный лучу, сейчас не казался ему излишне красивым. Метафора воспринималась по-новому, как энергия жизни, как благотворное просветление в сумраке человеческого разлада. И сам старик, несмотря на скупость деталей в его описании, представлялся уже далеко не некрасовским,

а рубцовским. Но главное то, что поэт, подобно пророку, за четверть века запечатлел одного из огромной армии вымирающих стариков, которые стали явлением каждого города и деревни.

«...И было все полно печали Над этой старой головой...»

Воистину, всё о теперешних днях, в которых идут и идут гонимые бедностью старики.

Романов часто встречался с Рубцовым. Встречался всегда радостно и охотно, ибо видел в нем не соперника, а собрата по поэтическому горению. В то же время Романова огорчало, что живет Рубцов хуже, чем надо. И одет-то он бедновато. И с семьей не пойми чего. Да и денег, наверное, нет. Правда, внешне Рубцов не показывал виду, что испытывает нужду. Неудобно было ему и просить у Романова трешник, чтоб купить на него хоть какую-нибудь еду. Потому, приходя к нему на квартиру, садился стеснительно на диван, доставал записную книжечку и писал:

«Александру Александровичу Романову

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу, если это возможно, одолжить мне, Николаю Михайловичу Рубцову, три рубля. С обязательным возвращением.

Н. Рубцов.»

Романов, естественно, понимал, что Рубцову сказать вслух о трешнике было до невозможности неудобно. И, само собой, чем мог, выручал. И за стол уговаривал сесть. И расспрашивал о делах. Словом, очень старался, чтобы Рубцов поотмяк.

Рубцов и Романов часто встречались в редакции «Вологодского комсомольца». Сядут за маленький столик. Шахматы перед ними. Вроде, играют, однако фигурки стоят на доске и стоят, не трогаясь с места. А игроки оживленно глядят друг другу в глаза и ведут разговор. Сколько было таких разговоров! Кто их записывал? Или запомнил? Обычно в той комнате за тремя двухтумбовыми столами сидели сотрудники двух отделов. Я отвечал за сельскую жизнь. И если не был в командировке, то тоже сидел за столом. И слушал умные разговоры. Один из них все-таки вкратце запомнил.

В комнату из соседней, где был идеологический отдел, вдруг вбежал, сверкая единственным глазом, Клим Файнберг. Увидев поэтов, воскликнул:

- Милые вы мои! Саша и Коля! Может быть, вы почитаете то, что написано здесь! Если одобрите, - будем печатать! - И, положив поверх шахмат исписанный мелким почерком лист, тотчас же исчез.

Первым листок прочитал Рубцов.

- Не стихи, а какая-то жидкость! сказал он недоуменно.-И автор такой же, наверное, жидкий.
- Жидкое слово в поэзии, вторил ему Романов, ничего не дает ни уму, ни сердцу. Слово должно светиться!
 - Или гореть, как молния под грозой! прибавил Рубцов.
- Главное в слове, закончил Романов, должна отражаться не жизнь, а сок этой жизни...

Они оба умели чувствовать слово. Заурядность и серость была для обоих невыносима. И еще понимали они, что красоты поэзии можно было открыть везде, если их разглядеть через чуткое сердце. А если рядом сама природа?

0-о! Как они ее понимали! И принимали ее, ощущая в груди пробуждение нежности и восторга.

Как-то осенью, по морозцу, проходя окраиной Вологды (куда поэта только не занесет!), возле скромных домов с палисадами, где сгорали горячие георгины, Романов лоб в лоб столкнулся с Рубцовым.

- Ты откуда?
- От добрых людей!
- Ночевал, что ли, там?
- Ночевал.
- И куда?
- Сам не знаю.
- А как себя чувствуешь?
- Погляди! Николай повернулся лицом к палисаднику, откуда навстречу ему, приподнявшись над клумбой, сияли побитые холодом георгины.
 - Они меня понимают. Как и я понимаю их.

Через год в журнале «Октябрь» появилось стихотворение «Посвящение другу».

Замерзают мои георгины. И последние ночи близки. И на комья желтеющей глины За ограду летят лепестки... Нет, меня не порадует – что ты! – Одинокая странствий звезда. Пролетели мои самолеты, Просвистели мои поезда. Прогудели мои пароходы, Проскрипели телеги мои,-Я пришел к тебе в дни непогоды, Так изволь, хоть водой напои! Не порвать мне житейские цепи, Не умчаться, глазами горя, В пугачевские вольные степи. Где гуляла душа бунтаря. Не порвать мне мучительной связи С долгой осенью нашей земли. С деревцом у сырой коновязи, С журавлями в холодной дали... Но люблю тебя в дни непогоды И желаю тебе навсегда, Чтоб гудели твои пароходы, Чтоб свистели твои поезда!

Вероятно, Рубцов написал это стихотворение, когда странствовал по Алтаю. Во всяком случае, поэт из села Красногорское Геннадий Володин, у которого жил Рубцов несколько дней, свидетельствует об этом.

И все-таки, почему, наряду с такими стихотворениями как «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне», «Шумит Катунь», «Сибирь, как будто не Сибирь» Рубцов писал на Алтае стихотворение, насквозь пронизанное северными ветрами? Здесь можно только предполагать. Скучая по Вологде, он писал товарищам и друзьям сердечные письма, надеясь, что те ответят ему. Ответил Романов. Ах, как было отрадно читать прилетевшее из любимой Вологды откровение друга. И вспомнил Рубцов холодную осень и отгоревшие георгины. И себя, и Романова тоже вспомнил. Вспомнил свои дороги на пароходах и поездах. Вспомнил деревце с коновязью ...Всколыхнулось в душе. Придвинулось нечто щемящее и родное. Рука потянулась к перу.

В одном из номеров журнала «Октябрь» за 1967 год состоялась подборка стихов Николая Рубцова. Тираж огромный. Однако подпись «Александру Романову» над «Посвящением другу» стояла только в одном журнале. И была она от руки. Почему? На это ответить мог только Рубцов.

В фойе Дома Вологодского политпроса. Слева направо: поэт Александр Романов, заведующий сектором печати обкома партии Василий Невзоров, Николай Рубцов, бухгалтер Вологодской писательской организации Лиза Дресвянкина

на голос судьбы

В ожидании парохода мы прогуливались по берегу Тотьмы втроем: Николай Рубцов, сотрудник местной газеты Гоша Макаров и я. Было лето 60 какого-то года. Шли и слушали Гошу, который писал в то время очерк о сподвижнике Стеньки Разина атамане Илюшке Пономареве. Рассказывал Гоша про то, как Илюшка, спасая себя, бежал от своих товарищей, оставив их пропадать в таежных урочищах Унжи. Предстояло ему ватагу восставших, в которой было семь сотен бойцов, куда-нибудь прятать или бежать с ней к востоку. Но это было связано с риском. Повстанцев уже настигал воевода Нарбеков, и без боя уйти от него было уже невозможно. Илюшка понял, что он проиграл, потому и решил исчезнуть, как невидимка, взяв с собой не 700 человек, а лишь пятерых. Хотел отсидеться в Тотьме до лучших времен. Да около речки Черной, в пяти верстах от уездного города был схвачен и сразу доставлен в губную избу, где воевода Ртищев и заставил Илюшку разговориться, а там и повесил его на высоком Сухонском берегу. Нас с Рубцовым смутила не столько казнь атамана, сколько его путешествие на санях после смерти по многочисленным селам и деревням трех соседних друг с другом уездов, где Илюшку вешали снова и снова, дабы устрашить его видом местных селян. Мол, подобное будет со всем мужичьём, кто подымет голову на царя.

- Сплоховал атаман, даже жалко его,- подытожил Макаров.

На что Рубцов горячо, в возмущении:

А мне нисколько его не жаль!

Макаров смутился:

- Но почему?
- Потому, что он дезертировал, ответил Рубцов, бросил своих товарищей. Будь я тотемским воеводой, я бы тоже его, как предателя, к смерти приговорил.

Приблизительно так выразился Рубцов об Илюшке Пономареве. Спускаясь к пристани, куда был должен приплыть из Вологды пароход, Рубцов покосился на красную крышу Потребсоюза, где когда-то был голый берег, на котором стояла виселица с Илюшкой.

– Угрюмое место, – вздохнул и, не приняв души разбойного человека, повернулся к реке.

Тут раздался гудок, и возле Зеленей мелькнул двумя этажами белопалубный Ляпидевский. Рубцов немного повеселел.

- Завтра на нем я и поплыву.
- Куда? спросил я его.
- Сам не знаю пока, ответил Рубцов, но сначала в Москву. Ну, а там, может, даже туда, где всё это происходило.
 - Неужели на Унжу?
- Почему бы и нет! Возьму в каком-нибудь толстом журнале командировку и на целое лето в края, откуда бежал трусливый Илюшка.

Не поверил Гоша Рубцову. Не поверил поэту и я. Однако Рубцов по приезду в Москву, действительно, взял в одном из журналов командировку. И умчался куда-то на Унжу, а там и в глухие смешанные леса, где когда-то разбойничал Стенька Разин. Правда, пробыл он там недолго. Всего лишь несколько дней. И, возвратившись оттуда, даже еще по дороге в Вологду начал писать: «Мне о том рассказывали сосны...» Писал под стук колес поезда. Продолжил же эту поэму в Тимонихе, у Белова. А закончил ее у себя на последней квартире в Вологде, на улице Яшина, номер три. Поэму о той роковой, крайне редкой любви, какую заслуживает не каждый.

БОЙ ЧАСОВ

Порой в публикациях о Рубцове упоминается о часах в зале одной из тотемских библиотек, которые якобы, громко стукая маятником, мешали поэту прочесть стихи, и он попросил их остановить. Сам по себе факт достоверен. Однако несколько искажен. Нет такой в Тотьме библиотеки, где бы часы своим механическим

стуком мешали кому-то в ней заниматься, тем паче читать вслух стихи. Часы помешали Рубцову и в самом деле. Но только не в зале библиотеки, а в частном доме, где я родился и где нынче живет у меня сестра. В тот приезд – а было это в лето 1969 года - Николай появился в доме Барановых без меня. Попал как раз на воскресные пироги. Именно здесь, в маленькой кухне с окном, выходившим во двор, где цвели яблони и цветы, Николай и читал свои новые стихотворения. Читал, пока его голос не заглушил глуховато-раскатистый бой старинных часов с медными гирями и цепями.

Было восемь часов. И ударить часы должны восемь раз.

Какой из поэтов любит, когда его грубо перебивают. Рубцов был к тому же в тот вечер чем-то еще и расстроен. Потому он прервал свое чтение и, взглянув на часы, раздраженно потребовал:

- Остановите их! Вы же слушаете мои стихи, а не эти куранты! Маятник придержали, и Рубцов закончил чтение в установившейся тишине. Потом закурил сигарету и вновь посмотрел на высокие, в деревянном корпусе с длинным маятником часы.
- Странно! В поэзию ворвалось само время! Быть может, оно хотело меня о чем-то предупредить? Рубцов посмотрел на хозяев дома. Но те ничего ему не сказали. Рубцов в третий раз посмотрел на часы.

- Им, наверно, сто лет?
- Больше.
- А мне тридцать три, но чувствую я себя старше, чем эти часы. Видимо, я обогнал свое время.

привезу говорящую куклу

Воспетая Николаем Рубцовым деревня Никола. Воспетая ещё не изданными стихами. Стихи и слава будут потом. А пока он, как гость. Живет с Генриеттой, подарившей ему красавицу дочь.

Пологие тени. Шелесты и сиянья. Они заманительны и спокойны. Они где-то рядом и где-то вдали. Они в медлительно тающих тучках. Они в траве, зажигающейся цветами. Они в шлемовидных стогах вдоль по берегу сонной Толшмы. Они в черёмухе под окном, где порхают с утра до вечера юркие птахи. И ещё они в окнах уютного дома. Окна грустно глядят на просёлок, что уходит полз-

Лена Рубцова. Она уже не ребёнок. Ей девять лет. Где-то рядом с ней говорящая кукла, которую ей подарил отец. Отца уже нет, но она любила его и любит.

Всегда

ком к темнохвойному лесу, среди ёлок которого бродит с наберухой кто-то в цветастой рубахе.

Да это же Коля Рубцов! Собирает грибы. Собирает и строчки ещё не созревших стихотворений. Для грибов у него корзина. Для стихов – голова.

Вечером Коля сидит за столом. Рядом с ним Гета и тёща Шура. Кушают жареные грибы. Одна Лена не кушает. Ей хочется порезвиться. Забирается на широкую лавку. Бросается сзади попеременно то на бабушку, то на маму. И к папе бросается, но уже на его колени. И, радуясь, разливается чистым смехом, как колокольчиком под дугой.

Папа спрашивает дочурку:

Завтра, наверно, поеду в Москву.
 Чего тебе привезти?

Дочка взглянула папе в глаза, чтоб понять: шутит он или не шутит? Убедилась – не шутит. И затаённым от радости голосочком не говорит, а, право, гладит папу по голове:

- Говорящую куклу!

ЛОШАДЬ В ГОРОДЕ

Сколько коней повидал на своем веку Николай Рубцов! Не нам и считать. А если нам, то мы непременно собьёмся со счета.

Первую лошадь по кличке Сильва Коля увидел в селе Красково. На ней детдомовский возчик Василий Иванович Поливин отправлялся возить дрова, картошку и воду. И в город – на ней. И пахать огороды – на ней. Однажды Коля, насмелившись, попросил:

- А можно я её подержу за вожжи?

Поливин не отказал. Посадил шестилетнего Колю рядом с собой на перёд телеги. Дал ему вожжи. И рассмеялся:

- Поехали, что ли?
- У Коли улыбка от уха до уха:
- Aга!

Недалече и ехать. Какой-нибудь километр. Привезти с лесопилки десяток досок. Коля бодр, как весенний скворец. Еще бы! Такая большая, с хвостом до земли черногривая лошадь, не кому-нибудь там, а ему подчинялась и шла, управляемая вожжами, которые были в его руках. Да и дорога такая живая! Вон козлик сворачивает в кусты, уступая им путь. Вон кроха-цыпленок в траве, заблудился, видать, и не знает, как возвратиться теперь к своей маме. Вон лужа, откуда торчат моргающие глаза.

- Это чего? изумляется Коля.
- Квакухи! растолковывает Поливин.- Ночью был дождь. Вот и налило по дорогам. Для лягух лужи рай...

Последнюю лошадь видел Рубцов на одной из улиц Великого Устюга. Шла она по каменной мостовой. С телегой, груженой наполненными мешками. Шла еле-еле, с уныло опущенной головой.

- Чего это с ней? удивился Рубцов. Спрашивал он Мартюкова Толю, дружка своего по детдому, к кому он приехал, чтоб познакомиться с древним городом и провести здесь несколько летних деньков.
- Не с ней. А с ним,- поправил его Мартюков. Идёт от ветеринара... Был добрым молодцом. А теперь...

Рубцов моментально притих. Стал задумчив. И шепот пошел от него. Стихотворный шепот. Строка за строкой. Смекнул Мартюков: друга его настиг порыв внезапного вдохновения. Возбудил его конь. И теперь Николай весь в пылу поэтического искания.

Легкой поступью, кивая головой, Конь в упряжке прошагал по мостовой. Как по травке, по обломкам кирпича Прошагал себе, телегой грохоча, Между жарких этих каменных громад. Как понять его? Он рад или не рад? Бодро шел себе, накормленный овсом, И катилось колесо за колесом... В чистом поле меж товарищей своих Он летал, бывало, как весенний вихрь, И не раз подружке милой на плечо Он дышал по-молодому горячо. Но однажды в ясных далях сентября Занялась такая грустная заря! В чистом поле, незнакомиев веселя, Просвистела, полонив его, петля...

Мартюкова Рубцов уважал не только как друга, но и как редкостного поэта. Спросил у него:

- Надо же столько мужества и терпенья. Был под ножом у ветеринара. Между жизнью и смертью. Ему бы сейчас отдохнуть. А он с тяжелой телегой?
- Такова доля всех жеребцов, произнес Мартюков. Не гулять в вольном поле среди сверстников и подружек. А нести на себе работу. Быть покорным. Ну, точно ярыжкам, когда они на веревках тащили по Сухоне купеческие суда...

Снова шепчет Рубцов. И вот уже вслух:

- Под огнём... ножа. Какого ножа? Не найду чего-то зловещего, в то же время и явного. А-а? Не знаешь?

Мартюков сам творец. Сам прошел сквозь муки поиска нужного слова. Подсказывает Рубцову:

- Под огнем ветеринарного ножа.

Рубцов возбужден:

- То, что надо!

Целый день нашептывал Николай. Наконец, закончил стихотворение. Конь его, как лихой удалец, кому жить и радоваться простору. Однако его, как разбойника, повалили на землю, связали и обесчестили, убив его будущее росчерками ножа. Для чего? Для того, чтобы был он послушен хозяину и работал.

Получилось не просто стихотворение – нечто высшее, что пугает и беспокоит.

Тут попал он весь, пылая и дрожа, Под огонь ветеринарного ножа, И поднялся он, тяжёл и невесом...
Покатилось колесо за колесом.
Долго плелся он с понурой головой То по жаркой, То по снежной мостовой, Но и все-таки, хоть путь его тяжел, В чем-то он успокоение нашел. Что желать ему? Не все ли уж равно? Лишь бы счастья Было чуточку дано, Что при солнце, что при дождике косом... И катилось колесо за колесом.

Драма, под стать самому Шекспиру. Почувствовал я всю ее глубину, когда в Биряковском Доме культуры состоялся вечер памяти Николая Рубцова. Было это в 2006-м году. Пела «Судьбу» (так называется стихотворение) воспитательница Кадниковского детского дома Лариса Суворина. Пела не столько голосом, сколько сердцем. И такая щемящая грусть, такая утрата пали в заполненный зал, что я не мог удержаться и тихо заплакал.

на другом берегу

Коля Рубцов. Коля Брязгин. Третий я. Все мы учились когда-то в Лесном. Были друзьями. К тому же жил Рубцов с Брязгиным в одной монашеской келье, то есть комнате общежития, где когда-то будничали монахи. Так что было нам, что и вспомнить.

Задержались на берегу. Около средней школы. Отметили встречу под тополями.

Ночь. Где-то рядом река. По фарватеру, как цветы, зажжённые бакена. Огонёк и вверху, где возвышается колокольня. Дремлет уставшая от дневной суеты вся покрытая снами старинная Тотьма. Чёрный купол небес. Сквозь него пробиваются белые звёзды. Красота. Оставаться бы здесь до утра.

Брязгин показывает на небо:

- А ведь нас рассматривают оттуда.

Оживился Рубцов. Словно этих нескольких слов ему в эту минуту и не хватало. Улыбнулся и говорит:

- Звёзды порою мне кажутся чьими-то опытными глазами, которые видят, наверное, всё. Может им, как волхвам, известно не только былое, но и будущее земли. Может, видят они всё то, что когда-то происходило, и всё то, что когда-то произойдёт. Вероятно, для них мы подобны большому парому, который с опаской переплывает неведомую реку. Интересно, что там, за этой рекой? На другом берегу?

Мы расходимся, расставаясь. Брязгин спускается вниз, где его катерок. Ему плыть на нём вниз по Сухоне. В сторону Коченьги. Там его дом, до которого 50 километров.

Мы с Рубцовым - на Красную, 2. Здесь живут мои мама и бабушка. И конечно, не спят. Ждут. Ждёт вместе с ними и старенький самовар, чтобы нас напоить чаем с крыжовниковым вареньем.

деньги, деньги...

Приехал Рубцов из Вологды. Мрачный. С парохода прямо на Красную, 2. Здесь, в доме моих родителей, чуть успокоился и признался: «Приходится делать крюк. Не прямо к себе в Николу, а через Тотьму. И всё из-за денег. Не могу же приехать туда совсем-то пустым. Посоветуй, что лучше сделать?»

Наутро мы у редактора районной газеты Леонида Александровича Каленистова. Тот нас понял. И дал Рубцову командировку, но при условии, если он напишет к двум праздничным датам – к Октябрьским и Новому году – созвучные этим датам стихотворения.

Деньги. Деньги. Как часто они ставили Николая в неловкое положение. Потому и бывал Николай в лесных и болотных урочищах чаще, чем бы хотелось ему, что можно было там ягод насобирать, что брусники, что клюквы и, продав эти сладости, быть, хотя и при малых, но, все же деньгах.

Конечно, хотелось бы зарабатывать на стихах. Однако печатали Николая редко и неохотно. О, как ему надоели унизительные

глаголы в письмах к высоким шишкам, от кого зависел ход его публикаций. В письме-обращении к ответственному секретарю Вологодской писательской братии Сергею Васильевичу Викулову Коля писал:

«Сергей Васильевич!

Когда Вы предложили мне дать стихи для «Красного Севера», тогда я еще не подумал, что сделаю это, т. к. был доволен уже тем, что получу командировку, и чувство успокоенности (и благодарности, но об этом я уже говорил Вам) было достаточно полным, чтобы не пополнять его. А сейчас, когда подошло время, я подумал о том, что жизнь не стоит на месте. И почему бы мне, если Вы тогда не пошутили, не послать Вам стихи? Я посылаю Вам кое-какие стихи, но, конечно, не прошу напечатать их, т. к. это зависит от Вашего о них мнения, и буду вполне готов к тому, если они не будут напечатаны.

Среди этих стихов есть одно чисто философское – «Душа». Говорю о нём отдельно потому, что оно смущает меня своей холодноватостью, но и все же я не прочь напечатать его...»

Выручил ли Сергей Васильевич талантливого поэта в тяжёлые дни его жизни? Выручил. Но с большим запозданием, к тому же, из десяти стихотворений он предложил «Красному Северу» лишь одно, хотя мог бы отдать туда и все десять.

Не только сейчас, но и тогда, в полувековой давности, творческие люди делились на пробивных и не пробивных, то есть на приспособившихся к режиму и тех, кто приспосабливаться к нему не только не умел, однако, и не хотел. Рубцов и Викулов были в двух разных станах. И если Сергей Васильевич был образцовым певцом советской деревни. То Николай Михайлович – выразителем чувств обычных советских людей. Уже тогда, в конце 1964 года, когда были написаны такие шедевры, как «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса», «Букет», «Звезда полей», «Тихая моя родина», «Фальшивая колода», «Старый конь», «Видения на холме», «Левитану», «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева», «Осенняя песня» и ряд других высочайшей пробы стихотворений, он стал творцом не только Отечественного, но и Мирового масштаба.

Примерно в это же самое время Рубцов написал письмо и мне:

«Добрый день, Сережа!

Вчера, сразу же после нашего разговора по телефону, взялся за новогоднее стихотворение и написал его. По-моему, получилось неплохо, потому посылаю его тебе.

Январское

Мороз под звездочками светлыми По лугу белому, по лесу ли Идет, поигрывая ветками, Снежком поскрипывая весело. И все под елками похаживает. И все за елками ухаживает -Снежком атласным принаряживает! И в новогодний путь проваживает! А после сам принаряжается, В мальчишку вдруг преображается И сам на праздник отправляется: - Кому невесело гуляется? -Лесами темными и грозными Бежит вперед с дарами редкими. И все подмигивает звездами, И все поигрывает ветками. И льдинки отвечают звонами. И он спешит, спешит к народу С шампанским, с музыкой, с поклонами Спокойно прожитому году; Со всеми дружит он и знается, И жизнь в короткой этой праздности Как будто снова начинается -С морозной свежести и ясности!

Вместе с этим стихом посылаю ещё несколько с другими темами. Одно из них философское – «Душа». Может быть, и эти стихи когда-нибудь после праздника Вы сможете напечатать. Они по своему настроению и мыслям тоже печатные.

Жизнь моя идет без всяких изменений и, кажется, остановилась даже, а не идет никуда. Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовет меня в гости, но я все никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу – увижу снег, безлюдье, мороз и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать, да и не задумываюсь над этим, хотя надо бы

задумываться, т.к. совсем разонравилось мне в старой этой избе, да и время от времени рассчитываться ведь надо за эту скучную жизнь в ней. Было бы куда легче, если б нашлись здесь близкие мне люди. Но их нет, хотя ко всем я отношусь хорошо. Впрочем, хорошее отношение здесь тоже понимает каждый по-своему и все отлично от меня.

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это времени.

У меня пока все. Может быть, ты посоветуешь мне сделать что-нибудь интересное в жизни? Поздравляю с чудесным праздником – елкой, желаю тебе весело встретить и проводить ее. С приветом Н. Рубцов».

осенняя песня

Где-то в конце 1969 года в двух вологодских районных газетах «Призыв» и «Маяк» появилось стихотворение Николая Рубцова «По мокрым скверам проходит осень...», которое по интонации, внутреннему настрою и использованию мрачноватых тонов пейзажа было схоже с «Осенней песней» французского поэта Поля Верлена. Кто-то из въедливых стихотворцев заподозрил Рубцова чуть ли не в плагиате. Не знал того стихотворец, что сходству двух мощных творений невольно способствовала преподавательница французского языка Литературного института. Сообщил об этом учившийся вместе с Рубцовым студент-однокурсник Николай Попов.

- Любовь Васильевна, - вспоминал Попов, - на своих занятиях сначала прочитала на французском языке «Осеннюю песню» Верлена. Потом дополнила её переводом Валерия Брюсова.

Николай Рубцов, выслушав то и другое, пожалел, что не было рядом Верлена и Брюсова. И встретиться с ними не суждено. Он даже сказал грустно вслух:

- Как это всё далеко!

На что Любовь Васильевна тут же посоветовала Рубцову:

- Вот и приблизьте! Вы же поэт!

Рубцова, мало того, что задело это смелое предложение, но он вдобавок еще захотел ощутить и саму атмосферу, в какой пребывал знаменитый Верлен, когда сочинял «Осеннюю песню». Да и присутствие Брюсова тоже устраивало его.

Рубцов увлекся французским стихотворением. Перевел, внеся в него то, что французским духом не пахло. Одним из первых его читателей был поэт-переводчик Борис Чулков. Прочитав рубцовское сочинение, Борис заверил поэта:

- В стихотворении сохранился только мотив Верлена. Всё остальное в нём - чистый Рубцов.

Сам же Рубцов на одном из застолий среди закадычных друзей признался:

- Верлен мне помог написать мою «Осеннюю песню». Я очень ему благодарен. Кстати, его «Осенняя песня» слабее моей...

Сидевший среди застолья экономист, он же певец, композитор и весельчак Алексей Сергеевич Шилов был взбудоражен:

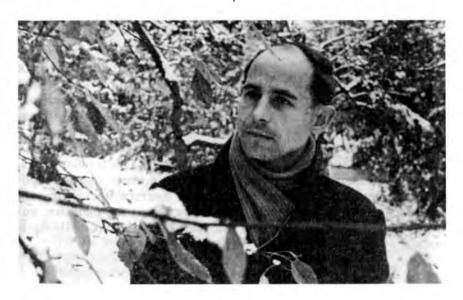
- Коля! Твоя «Осенняя песня» обязана жить не только здесь, среди нас! Но и там, где хмурь, а над хмурью - гуляет буря!..

Шилов на ветер слов не бросал. Буквально через неделю он опять повстречался с Рубцовым. На новом застолье. Был он с гитарой. И пел он в тот вечер одну за другой две «Осенние песни». Первую из них «Потонула во тьме отдаленная пристань» Рубцов посвятил Сухоне, Тотьме и пароходу. Вторую – Полю Верлену.

По мокрым скверам проходит осень, Лицо нахмуря! На громких скрипках дремучих сосен Играет буря! В обнимку с ветром иду по скверу В потемках ночи. Ищу под крышей свою пещеру -В ней тихо очень. Горит пустынный электропламень На прежнем месте. Как драгоценный какой-то камень, Сверкает перстень,-И мысль, летая, кого-то ищет По белу свету... Кто там стучится в мое жилище? Покоя нету! Ах, это злая старуха-осень,

Лицо нахмуря,
Ко мне стучится, и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы.
И я плачу...

ОЧИЩЕНИЕ

Был ли верующим Рубцов? Естественно, был. Только вера его лежала не через пост, воздержание, крест и молитву, а через светлое очищение от всех его прегрешений, падений и скверн. Поэтический образ, сиявший среди мирозданий, и был для него путеводной звездой, к которой он шел, словно к Богу.

Поэт и стихотворение – это едино. Отдели одно от другого, и поэт превратится в обычного человека со всеми его пороками и страстями. Был ли Рубцов крещеным? Если брать его жизнь с 6-летнего возраста, когда он начал скитаться по детдомам, то, естественно, нет. Но была у него и более ранняя жизнь, когда рядом была богомольная мать. Сужу по себе. До 18 лет полагал, что я некрещеный. Но, в конце концов, мои мама и бабушка, словно

тайну, поведали мне, что в августе 1936, когда исполнилось мне полгода, меня увезли за 25 километров по Сухоне на пароходе в Усть-Печеньгское, село, где стояла единственная на район красавица-церковь. И там совершили священный обряд. Крестили тайно, чтобы ни в детских яслях, ни в детсаде, ни в школе не знали, ибо это могло испортить всю мою жизнь.

Допускаю, таким же скрытым путем могли окрестить и Колю Рубцова. Александра Михайловна, его мать, переехала в Вологду в 1941 году. Первое время она не болела, ходила в церковь, где пела на клиросе, и могла, понятно, договориться с церковной службой, чтобы младших ее сыновей Колю и Борю здесь окрестили. Тем более тайну крещения церковь не разглашала. О том, что Коля крещеный, никто, кроме матери, знать и не мог. Не мог знать об этом и сам Николай. Но даже, если Рубцов и не был крещеным, всей своей многоопытной жизнью он был к этому подготовлен. И Бога воспринимал он, как гения, который мог однажды встретиться с ним и открыть ему то, что не каждому открывает.

Не крещеный, но подготовленный для крещения – это удел сразу нескольких поколений. Это огромных масштабов беда. И ее подрастающий Коля Рубцов воспринял через протест против посеянного безверия. Позднее этот протест превратится в стремление высказать душу свою единственными словами, которые могут объять пространство, подвластное только Поэту и Богу.

НЕНУЖНАЯ ДОРОГА

Лежит Николай Михайлович, бездыханный. В Доме художников. В дорогом красивом гробу. Лицо спокойное, как и при жизни, когда удавалось стихотворение, и он был готов его прочитать.

Я почему-то вспомнил одну из его незатейливых игр. В ожидании кого-то или чего-то, когда было много лишнего времени, чтобы скрасить его, Николай предлагал написать в уме содержательную строку, не важно чего,— стиха, эссе или рассказа. Главное, чтоб была она привлекательной и несла в себе мысль. В последний раз играл он со мной на пристани в Тотьме. Ждали из Вологды пароход. Николай начал первым:

- Звёзды выбирают самую высокую дорогу.

В вологодском Доме художников. Над гробом – тётка поэта Софья Андриановна и поэтесса Ольга Фокина

Я вслед за ним:

- Птицы выбирают самую короткую дорогу.
 Снова Рубцов:
- Звери выбирают самую невидную дорогу. Опять моя очередь.
- Люди выбирают...– сказал и запнулся, не найдя нужных слов. Рубцов, однако, нашёл их, причём мгновенно:
- Люди выбирают самую ненужную дорогу, которая, пройдя сквозь будни, праздники, заботы и пиры, выводит на большой всечеловеческий погост...

И вот он здесь. На угрюмом столе. По другую сторону света. Руки крестом. Весь приготовленный к дальней дороге, самой печальной и самой ненужной.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ НА БЕРЕГУ

Был холодный осенний вечер. Ты бродил по улицам Тотьмы, приподняв воротник продуваемого пальто. Был ты молод, в груди колотилось тревожное сердце, и глаза прорезали неверную мглу, где дремала не только Тотьма, не только Вологда и Россия, но и вся вечереющая Земля.

Ты так много бродил, что устал и уселся на бронзовую скамейку, отвернувшись от Сухоны, чтоб не видеть парома и лодок. И задумался о грядущем, проникая умом в тот непрожитый день, где тебя назовут бесстрашным поэтом, кто дерзнет разговаривать с собственной Смертью и, осилив её, утвердиться на тотемском берегу, как его естественный долгожитель.